

К ВОПРОСУ О СТРАТЕГИЧЕСКОМ КОНФЛИКТЕ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

А. А. Полонников

Белорусский государственный университет, г. Минск

Аннотация: в статье, опирающейся на данные экспериментального семинара, обсуждается новая ситуация в образовании, порожденная сложным взаимодействием трех дискурсивных форм, трех типов медиации: устной речи, письменного текста, аудиовизуального сообщения. В описании акцентируются условия и способы осуществления речевых действий, приемы их объективации и идентификации. Особое внимание уделяется коммуникативным средствам, обеспечивающим дифференциацию символического пространства взаимодействия.

Abstract: the article bases oneself on data of an experimental seminar and deals with a new education situation which is the result of the complex interaction between three discourse's forms, three types of mediation: the speech, the written text, the audiovisual information. The conditions and modes of realization of the speech actions and the ways of its objectification are accentuated in the description. Much attention is given by the article to communicative means ensuring differentiation of symbolic interaction space.

Замысел настоящего исследования инспирирован новой ситуацией в университетском образовании, связанной с внедрением в учебный процесс электронно-компьютерных технологий, а также возросшим влиянием средств массовой коммуникации, пре-

жде всего телевидения и Internet, в формировании и функционировании общекультурных процессов. Как замечают аналитики образования, современный человек живет в культуре образов. Письменный текст все чаще уступает место визуальным и аудиовизуальным сообщениям. Мы смещаемся от культуры слова к культуре образа — к визуальной культуре (Маклюэн, 2003, 16; Morbitzer, 2010; Szkudliarek, 2009, 32; Szpernalowski). В установлении посреднических связей между культурой и индивидом, как известно, традиционно участвует образование. В той мере, в какой современная культура может быть представлена как живое трансформирующееся семиотическое производство, образование оказывается перед необходимостью не только знакомить учащихся с действующими культурными кодами, но и формировать опыт их креации. В более конкретном выражении проблема, которая инспирировала данную разработку, заключалась в том, что сложившаяся учебная практика университета в большей или меньшей степени освоила такие формы семиотического посредничества как устный дискурс и письменный текст. Электронные (аудио, видео) сообщения чаще всего самостоятельной роли не исполняют, являясь простым расширением реестра наглядности или более оперативной формой связи участников образовательных взаимодействий. В тех же случаях, когда электронные средства коммуникации все же внедряются в образовательный процесс, осмысление их использования происходит главным образом с технической и организационной стороны, выражаясь в количественных характеристиках (Программа, 2011, 14–15). Образование, с точки зрения педагогической концептуализации процессов информатизации, продолжает мыслить «временными фрагментированными пространственно образцами доэлектрической эпохи» (Маклюэн, 2003, 10).

Между тем вторжение новых форм информации и коммуникации в культуру и образование рождает ряд проблем, требующих их фиксации, артикуляции и разработки. Их спектр чрезвычайно широк и активно обсуждается современной гуманитарной литературой. Взять для примера хотя бы вопросы, связанные с границами виртуальной реальности или с этикой Internet. В настоящем же исследовании основной темой выступает «контакт», отношение между сложившимся опытом культурного реагирования субъектов учебных отношений и аудиовизуальным кодом, который мы попыта-

емя многосторонне проблематизировать. Нас будут интересовать не столько вопросы технической компетентности или пользовательских умений, которые, конечно же, нуждаются в положительном решении, сколько практика формирования структур специфического чтения аудиовизуальных сообщений, взаимодействие с которыми, как нам представляется, существенно отличается от контактов с текстуальными или оральными кодами. Обнаружение различий между названными способами культурного реагирования входит в круг настоящего проблемного поиска.

Отмеченное обстоятельство составляет главную особенность производимого анализа, в результате чего он приобретает не столько обобщающий, сколько программный характер. Проблемное обнаружение являет собой отдельную исследовательскую область, связанную, прежде всего, с неочевидностью или инаковыраженностью гуманитарных реалий. С этой точки зрения одними из важнейших направлений исследований становятся топографические изыскания – фиксация и артикуляция новых проблемных пространств, а также методическая трассировка путей и способов их последующей депроблематизации. Это значит, что постановочные усилия, составляющие необходимый этап любой научной работы, превращаются в нашем случае в отдельную самостоятельную область изысканий, способ реализации которых во многих отношениях не ясен.

В описываемом случае было принято решение о воспроизведении в лабораторных условиях обстоятельств учебного взаимодействия студентов с аудиовизуальным сообщением. Согласно замыслу исследования участники квази-учебного взаимодействия выступали не только его продуцентами, но и включенными в процесс аналитиками, усилия которых реализовывались в виде дискуссий о состоявшемся и зафиксированном в протоколе коммуникативном событии, надстраивая над первичной коммуникацией метакоммуникативный план. В своем реальном осуществлении первичный и метакоммуникативный планы часто смешивались, образуя новые симбиотические объекты, мультипликация которых порождала как многочисленные коммуникативные затруднения, так и новые возможности развития дискуссии.

Экспериментальные цели соотнобразовывались главным образом с отношениями самореферентности, озабоченностью участников

собственной имманентной продуктивностью и качеством собственного присутствия в семинаре. Последний объединил группу исследователей-добровольцев, готовых, в лучших традициях естествоиспытания, поставить опыт на самих себе¹.

Всего (на момент написания настоящего текста) состоялось 11 семинаров, в основу которых была положена, как уже было сказано, перцептивно-интерпретативная и диалогическая активность участников. Предметом дискуссии выступали не только аудио- и видеоматериалы, но и продукты экспериментальной коммуникации, выраженные, в частности, их протоколами. В самом начале работы участникам семинара были продемонстрированы два пятиминутных видеоролика, обсуждение которых составило основное содержание общей дискуссии. Эти записи представляли собой видеообращения молодой девушки (студенческого возраста), размещенные в Internet. В дискуссии участвовало 9 человек, большинство из которых имело опыт многолетней педагогической и научно-исследовательской работы. Экспериментальный семинар проходил еженедельно в период с апреля по июнь 2011 г. В протоколах семинаров имена участников, а также личные обращения заменены постоянными порядковыми номерами.

Номинативные различия

В данной публикации анализируются начальные шаги семинара, обстоятельства которых связаны с первым контактом участников эксперимента с аудиовизуальным материалом², а также со способами организации дискуссии, сама форма которой выступала предметом исследовательского и педагогического интереса. Наше изложение, в силу ряда технических причин, мы начнем не с описания организационных переговоров или предъявления результатов наблюдения коллективного просмотра видеосообщения, а с анализа протокола дискуссии, состоявшейся после демонстрации:

1. В этом месте следует все же заметить, что описанное выше исследовательское отношение разделялось далеко не всеми участниками семинара, что и повлияло впоследствии как на его работу, так и на оценку его эффективности в целом (А. П.).

2. Стенограмма аудиовизуального сообщения дана в приложении. С самим видеорядом можно ознакомиться в сети: <http://www.youtube.com/watch?v=KJV1SwLV1mE>.

1 уч.: Ей следует обратиться к психотерапевту, это аномалия.

2 уч.: Это революционный мессидж, который специально записан. Видно, что запись редактировалась. Автор высказывания иронизирует над культурой Интернета, Интернет создает неподлинную культуру.

3 уч.: Все студенты так разговаривают.

4. уч.: Это ирония на просмотр Интернет-сообщений. Речь у нее специально сделана. Это пародия на тех, кто живет в Интернете (Протокол № 1, 14.04.2011).

Представленный выше фрагмент протокола зафиксировал номинативную активность участников дискуссии, в которой взаимодействуют несовпадающие имена воспринимаемого. В первом случае объект высказывания квалифицируется как патология, во втором – как воззвание, в третьем – как типичная форма молодежного выражения, в четвертом – как критическое суждение. Все они, на первый взгляд, являются разными определениями одного и того же события, формируя для него отличающиеся друг от друга интерпретационные и поведенческие перспективы³. Если, например, третье высказывание относит событие к повседневному порядку, хотя и выделяет ему специфическую зону релевантности (возраст), то все остальные характеризуют объект в терминах неповседневного бытия: безумия, семиотической критики, игры.

Наблюдаемая номинативная поливариативность⁴ является некой исходной диспозицией нашего анализа, которую сами участники связывали со сложностью объекта восприятия, который не только

3. Подобным образом рассуждает, например, испанский феноменолог Х. Ортега-и-Гассет: «Умирает человек. У его постели жена, два друга, газетчик, которого к этому смертному одру привел долг службы, и художник, который оказался здесь случайно. Одно и то же событие - агония человека - для каждого из этих людей видится со своей точки зрения. И эти точки зрения столь различны, что едва ли у них есть что-нибудь общее. Разница между тем, как воспринимает происходящее убитая горем женщина и художник, беспристрастно наблюдающий эту сцену, такова, что они, можно сказать, существуют при двух совершенно различных событиях» (Ортега-и-Гассет, 1991, 237).

4. Поливариативность может, на наш взгляд, иметь несколько значений. В первом отношении она соотносима, если пользоваться аллегорией, со множеством цветов на лугу; во втором – со множеством самих ландшафтов (А. П.).

внутренне противоречив, но и процессуально изменчив. Из этих объяснений следует, что неопределенность коммуникативной ситуации, по мнению большинства участников, обусловлена неопределенностью предъявленного стимула, а номинативные различия связаны с позиционными переменными. Таковую трактовку условий неопределенности, с нашей точки зрения, нельзя признать ни верной, ни исчерпывающей. Основанием для данного вывода служит сам характер номинативной деятельности, которая не содержала в себе признаков сбой восприятия, то есть осуществлялась уверенно и мгновенно, а ее результаты носили достаточно устойчивый характер. В свою очередь конкуренция номинаций порождала не столько сближение, сколько усложнение их внутренних структур. Эти наблюдения позволяют нам квалифицировать происходящее не как неопределенность объекта восприятия, а как диффузность самой коммуникативной ситуации, формирование которой в данном случае связано с дефиницией ее объекта. То есть, сама форма коммуникации оказалась в зоне неопределенности и значительная часть усилий участников обсуждения должна теперь тратиться на упорядочивание коммуникативной ситуации, ее нормативный и когнитивный дизайн. Таким образом, именование материала аудио- и видеосообщения мы рассматриваем как социальное действие, направленное не на предмет означения, а на функционирующие в коммуникации отношения и их конститутивы.

Гипотезу о том, что неопределенность связана с неупорядоченностью пространства коммуникации, подтвердил один из участников обсуждения, выступив с требованием проведения «игры на одном поле». Эту гипотезу мы приняли в качестве рабочего определения нашего анализа. В этой перспективе структурирование общего пространства обсуждения посредством взаимоподтверждаемой номинации могло бы выступить основополагающим вкладом в социальное соглашение. Так, приняв определение материала демонстрации как «безумной речи», участники дискуссии получили бы возможность строить свою социальную идентичность нормативным образом. Группа людей, объединенных актом номинации в группу «нормальных», становится способной координировать индивидуальные понимания, создавать (по умолчанию) специфическое символическое пространство, в котором действуют общие для всех правила распределения: включения/исключения,

вертикальной/горизонтальной трансмиссии, самоопределения. Групповое «мы» при этом формируется не столько в актах взаимного отражения, сколько путем аналогичного функционирования (идентичного номинативного действия). Разумеется, что любой, отрицающий поддерживающую согласие номинацию, отказывается от практического уподобления и становится некоторым образом чужаком, подозрительным и вероломным субъектом. Именно это, по нашему мнению, обуславливает ту «сильную» претензию на общезначимость, которая обнаружила себя в дискуссии, а также тот тип конфликтной интеракции, доминировавшего в семинаре в течение значительного времени. Итак, наша гипотеза образует своеобразную микроконцепцию коммуникативной ситуации, ядром которой оказывается интерпретация номинативной активности как социального действия⁵, направленного на контроль смыслового поля коммуникации⁶.

В интересах нашего исследования эти исходные имена объекта восприятия мы назовем «впечатлениями». Подчеркнем, что «впечатление» – это наша аналитическая маркировка оценочных реакций участников. Она нам нужна именно в этой форме, чтобы обеспечить (и себе, и участникам дискуссии) либерализацию интерпретативной перспективы. Сами же коммуниканты склонны были, как это будет видно далее, рассматривать возникающие у них «видения» как отпечатки объекта восприятия, придавая используемым именам-знакам денотативный статус⁷. В ходе коммуникации

5. Здесь наш анализ использует тот аспект трактовки социального действия, который связан с влиянием на других людей и который, в отличие от телеологического действия, основанного на критериях истинности и эффективности, использует критерии правдивости, подлинности, искренности (Верч, 1996, 20).

6. Такой тип коммуникационного поведения коммуниолог С. Дацюк называет «манипуляционной стратегией», ориентированной на то, чтобы навязать другим участникам коммуникации свою власть и, соответственно, свое видение реальности (Дацюк).

7. Г. Бейтсон пишет по близкому поводу: «Если поразмышлять об эволюции коммуникации, то становится ясно, что очень важная стадия этой эволюции наступает тогда, когда организм постепенно перестает “автоматически” реагировать на знаки состояния (mood-signs) другого и становится способен распознавать знак как сигнал. То есть осознавать, что знаки (signals) другого индивидуума и свои собственные – это только сигналы, к которым можно относиться с доверием, без доверия, фальсифицировать, отвергать, усиливать, корректировать и т.д. Ясно, что это осознание ни в каком смысле не завершено даже среди человеческих особей. Мы все

денотативное отношение часто проявляет себя в словоформе «на самом деле», позиционируя иные альтернативные впечатления как «мнимости».

В нашем анализе мы будем рассматривать высказывания участников семинара не как психологическую категорию «восприятие» – отражение обобщенных черт воспринимаемого объекта или «карту территории», а феноменологически – как впечатление – «знак какого-то скрытого и глубокого закона» (Мамардашвили), того, что безусловно нуждается в комментарии. Впечатление, скорее, говорит о воспринимающем, чем о воспринимаемом, позволяя ставить вопрос о функциях означающего. Немаловажное значение для нашей апелляции к «впечатлению» имеет и то обстоятельство, что в актах именования в полной мере задействованы опытные структуры участников дискуссии. Во многом это обусловлено тем, что в целях социального определения человек склонен прежде всего использовать ресурс своего индивидуального опыта, автоматически соотнося материал восприятия с имеющимися у него матрицами распознавания, сформированными на основании предыдущих его интеракций с миром. Эта матрица, как свидетельствует ряд психологических исследований, не является жесткой структурой и в определенных условиях способна образовывать новые конфигурации и их группировки. С особой силой опытные манифестации обнаруживают себя в ситуации неопределенности, в которых индивиды более склонны опираться на структуры субъективных значений, чем на объективные или конвенциональные критерии (Роджерс, 1980, 203; Розов, 1986, 91; Trzebiński, 2002, 22–23).

Из всего сказанного следует, что упорядочение коммуникативных отношений семинара мы рассматриваем как номинативную борьбу за целостное определение ситуации. Разумеется, что акцентирование в настоящем анализе социально-действенных аспектов высказываний не означает их сводимости к социальным отношениям. Просто некоторые виды активности в исследовании выносятся за скобки, например те, которые носят поисковый характер

слишком часто автоматически реагируем на газетные заголовки, как если бы эти стимулы были прямыми объектными маркерами событий нашего окружения, а не сигналами, измышляемыми и передаваемыми существами, столь же сложно мотивированными, как и мы сами» (Бейтсон, 2000, 182).

и направлены на ориентацию в ситуации. В них пробное действие оказывается тем зондом, данные которого содержат в себе информацию об особенностях изучаемой обстановки. Невозможность получить исчерпывающее знание об условиях деятельности (вследствие их динамичности, изменчивости) ведет к тому, что действие строится в условиях неполноты ориентировочной информации, основываясь на вероятностных или локальных критериях. Речь идет, разумеется, о рискованных ситуациях, породивших практики «исчисления риска», призванные уменьшить издержки неполноты ситуационного знания (Бек, 1994, 163). Однако эти и некоторые другие аспекты действия в настоящей работе не попадают в фокус исследовательского внимания, делая автора весьма уязвимым для критики тех, кто исповедует ценности полноты, многосторонности, системности. В оппозиции к ним наш анализ стремится к приданию значимости таким методологическим принципам как частичность, позициональность, прерывность, ситуативность, противоречивость, гетерогенность, фрагментарность, нерегулярность и пр., приписываемым аналитиками к постмодернистскому порядку вещей (Kasprczyk, 2007, 6).

Однако те определения ситуации, которые гуманитарное знание наследует в научной традиции, кроме отмеченных выше холистических (всеобъемлющих) установок, чаще всего «отягощены», во-первых, гносеологием, включенностью акта ситуационного самоопределения в контекст познания (Вертгеймер, 1987; Левин, 2001), а во-вторых, интеллектуализмом, сведением ориентации к ментальной активности индивида. Не случайно в качестве примера, иллюстрирующего свою исследовательскую программу, психолог К. Левин привлекает опыт восприятия картины, в которой воспринимаемому индивидом фону приписывается конституирующая смысл функция. Смысл картины, по мысли Левина, формируется в сознании индивида путем восприятия ее фона, вернее, посредством манипуляции фоново-фигурными отношениями. Фону при этом приписывается функция целого (Левин, 2001, 82). Так же поступает и феноменолог Э. Гуссерль. Для него каждый принцип порядка, «будь то неопределенно общий или же определяющий себя в соответствии с реальными единичностями смысл, интенционально содержится во внутренней сфере нашей собственной испытывающей, мыслящей, оценивающей жизни и формируется

в нашем субъективном генезисе сознания (Bewusstseinsgenesis). Всякая бытийная значимость исполняется в нас самих, каждая обосновывающая ее очевидность опыта и теория живет в нас самих и мотивирует как привычка (habituel) дальнейший ход работы сознания» (Гуссерль, 1995, 325). Этой же схеме ситуационной ориентации следуют и авторы Концепции национальной школы Беларуси, связывающие целостность и единство самоопределения личности с «усилием человека по поиску, выделению, оформлению и переструктурированию отдельной информации» (Гусаковский, 1994, 118). В этих и им подобным случаях результатом определения ситуации выступает ее картина – продукт когнитивного упорядочивания человеком информации, поступившей на «пульт» управления им своим собственным поведением.

Перенесение указанной менталистской модели ситуационной ориентации (определения ситуации) на обстоятельства коммуникации, анализируемой нами, обнаруживает ее недостаточность. Взятая в ее перспективе коммуникация оказывается помещенной «внутри» воспринимающего ее сознания и конституируется его рамками. Между тем природа коммуникативного акта диалогична и в ситуационном определении участвует не одно, а как минимум два сознания. Какая дефиниция ситуации в этом случае окажется рабочей? Предпочтение одной из конкурирующих версий в этом случае соотнобразуется с символической борьбой и, соответственно, с принуждением. Следствием символического доминирования становится единое однородное пространство коммуникации, приобретающее для участников обсуждения метафизический статус. Так методологическая ориентация обнаруживает себя в качестве политического действия, поддерживающего определенную редакцию социальной реальности.

В нашем анализе используется иное понимание механизма ситуационного генеза, связанного с обстоятельствами коммуникации. Это понимание использует тезис открытости или неполноты определения в качестве сущности ситуационной ориентировки. В нем структура ситуации никогда не целостна, не завершена и всякий акт человеческой активности не замыкает и не дополняет ситуацию, а способствует ее новому усложнению. Кроме этого, являясь продуктом взаимодействия, форма ситуационного функционирования оказывается зависимой от характера взаимодей-

ствия, а значит, приобретает интерактивное бытие. То есть ситуация в форме динамичного (незавершенного) целого существует до тех пор, пока взаимодействие осуществляется⁸. Это действующее целое является практической организованностью, эмерджентной формой, создаваемой интеракцией ее разнородных элементов и влияющей, в свою очередь, на характер этих элементов, их связи и статус. В процессе коммуникации все эти «внутренние» элементы способны к многократным изменениям и самотрансформациям, обуславливая несамостождественность коммуникативных позиций и отношений. Завершение взаимодействия означает прекращение существования ситуационного целого в его актуальном качестве или переход в какую-то иную социальную форму. То есть целое как таковое никогда не исчезает, оно меняет свою конфигурацию. Всякий раз мы имеем дело со структурной модификацией целого. Ослабление фактора взаимодействия ведет к автономизации индивидуальных позиций участников и переходу целостностей из межличностного в личностный масштаб. Динамика же самой коммуникации обеспечивается как разностью потенциалов коммуникативных позиций, так и способностью субъектов использовать этот потенциал для развития коммуникативных отношений. Ключевое место в структуре развивающих действий принадлежит коммуникативной активности, направленной не столько на партнеров по взаимодействию, сколько на трансформацию ситуации, само коммуникативное целое⁹.

С точки зрения оглашенных выше теоретических положений, вопрос о коммуникативной динамике начинает формулироваться, во-первых, как вопрос принципиально методологический, полагающий порядок коммуникации в зону неопределенности, а во-вторых, как методический, требующий ревизии средств организации и производства коммуникации. В первом отношении ставка делается на коммуникацию как на ресурс нашего понимания, мышления и деятельности, что выражается в реализации трех основных предпосылок¹⁰: онтологических (статус существования

8. Здесь напрашивается аналогия с ездой на велосипеде, которая в качестве езды в ее момент и существует. Остановка ведет к исчезновению феномена езды (А. П.).

9. Подробный анализ коммуникативных действий, направленных на трансформацию ситуации взаимодействия, содержится в нашей работе (см. Полонников, 2007, 316).

10. Идея такого методологического решения принадлежит С. Квале (Квале, 2003, 44–45).

все культурные предметы обретают в контексте тех или иных коммуникативных связей), эпистемологических (акцентировка роли коммуникации в генерации значений, схем интерпретации окружающего мира, других людей, знаков, самого себя) и технологических (распространения механизма коммуникации на все виды социального воспроизводства и трансформаций). В этом случае коммуникация дискретизируется, теряет тотальное единство, выступая (потенциально) в каждый момент своего существования в новом обличье. Ничто не гарантирует качество коммуникации, поскольку ее характеристики теперь зависят не только от сознательных усилий участников взаимодействия, но и от ряда неконтролируемых сознанием условий, влияние которых коммуниканты испытывают на себе и в какой-то мере могут отслеживать. Это обстоятельство побуждает участников взаимодействия к постоянной фиксации и оценке не только высказываний партнеров, но и общего состояния коммуникации, осуществлению тех или иных усилий, направленных на конституцию и трансформацию коммуникативного целого.

Во втором, методическом отношении переосмыслению подлежит весь арсенал коммуникативных средств, служащий социальному обобщению и интеграции, которые теперь обнаруживают себя в качестве атрибута одной из коммуникативных стратегий. Стратегия, ориентированная на коммуникативную дезинтеграцию и неупорядоченность, эксплицирующая продуктивность различий коммуникативных форм, например, конфликтных, испытывает необходимость в своем специальном концептуальном и методическом обеспечении¹¹. В то же время методическое использование коммуникативных средств получает в представляемом нами подходе одну особенность. Во многих вариантах коммуникативного знания акцентируется влияние того или иного контекста: исторического (Лурия, 1999, 28), институционального (Джерджен, 2003, 123), вещественного (Pryszmont–Ciesielska, 2009, 44), практического (Ван Дейк, 1989, 19), ситуационного (Mead, 1945, 136) и пр. на характер функционирования высказывания. В нашем же

11. Примером такого рода разработок могут служить исследования польского педагогического психолога Дануты Клус-Станьской, продуктивно переосмысливающие категорию *хаос* и средства школьной дидактики, которые концептуализируются как «антипод застывших схем тоталитарного однообразия, интеллектуальной муштры» (Klus-Stańska, 2010, 10).

исследовании акцент делается на обратном отношении: активации контекстов, производимой действиями высказываний или их сцеплениями. Здесь мы следуем методологическому указанию французского социолога А. Турена, согласно которому «наша роль заключается не в объяснении поведений с помощью обстоятельств, а, напротив, в объяснении обстоятельств с помощью действий» (Турен, 1999, 61).

Символическое смещение

Начало формирования коммуникативных отношений мы связали с аудиовизуальным стимулом, вызвавшим дифференциацию позиций участников семинара. Эта дифференциация, зафиксировавшая различия восприятий участников взаимодействия, имеет большое значение в педагогическом отношении. В типичных академических условиях возникновение различий в схемах восприятия и их выражения представляет существенную проблему в виду доминирования в студенческой аудитории тенденций к согласию и тотальности патерналистских установок¹². В этой связи нахождение коммуникативных средств расщепления автоматизма согласия представляет собой сложную многоплановую проблему учебной организации.

Между тем, как показывает наш анализ, конформистские феномены не являются атрибутами сознания субъектов образования, а функционируют в качестве продукта официальных и скрытых педагогических речевых практик. В анализируемом случае номинативные различия, вовлеченные в борьбу за общезначимый статус, обнаружили свою живую связь с критическими возражениями носителей иных точек зрения и взаимными требованиями обоснования. Речь идет, прежде всего, о фактическом обосновании. Последнее вызывало к жизни рефлексивную активность участников, следствием которой стала кристаллизация высказанных точек зрения и их укоренение в качестве естественной перспективы восприятия. Между тем само фактическое обоснование возможно лишь в том случае, когда скоординированы контексты, когда на-

12. Более подробно этот вопрос рассмотрен в следующей работе (Полонников, 1994, 88).

личествует согласие участников дискуссии относительно того, что считать фактом. Как заметил по близкому поводу Дж. Тернер, «"самовалидизирующими" не могут быть ни информация, ни процесс ее обработки, [а] валидизация возможна лишь в рамках установленных норм и социальных договоренностей» (Тернер, 2005, 108). Ситуационное согласие, независимо от своей природы, создает для этих договоренностей базовые символические условия.

Идущая с попеременным успехом символическая борьба в качестве своего основного средства использовала фактическую аргументацию. Для нашего анализа важна не калькуляция удачных или неудачных фактических подтверждений оппонировавших сторон, а динамика самих аргументаций. В этом отношении наметилась определенная тенденция, заключающаяся в сближении высказываний на уровне «грубой фактичности»¹³. Речь идет не столько о сближении описаний предмета интерпретации, сколько о полагании самого предмета. В данном случае участники дискуссии все более склонялись к трактовке материала аудиовизуальной демонстрации как ситуации «face of face», межличностного взаимодействия, опосредованного устным сообщением. Автор высказывания при этом приобретал личностные черты и вступал в живое взаимодействие со своими адресатами. С этой точки зрения совершенно не имеет значения, как именно трактуют участники дискуссии сообщение: в терминах аномальности или игры, иронии или автоматического действия. Важно иное, как раз то, что на уровне «грубой фактичности» – персонификации источника сообщения – интерпретативные позиции обнаружили тенденцию к взаимной координации и связанности. Появление «грубой фактичности», несмотря на очевидные интерпретативные несовпадения, знаменует собой важный момент коммуникативного упорядочивания – формирование единого символического пространства – одного поля игры, делающего возможной фиксацию взаимодействующих позиций и нормативную регуляцию. В каком-то смысле здесь можно говорить о совместном производстве коммуникативной «метафизики», вне

13. Различение «грубых» и «институциональных» фактов используется, в частности, Дж. Серлом. «Грубые факты существуют независимо от любых человеческих институтов; институциональные факты могут существовать только внутри человеческих институтов. Грубые факты требуют института языка, чтобы мы могли их констатировать, но сами по себе они существуют совершенно независимо от языка или любого другого института» (Серл).

которой «физика» высказываний функционирует в параллельных мирах. Это значит, что «грубая фактичность» может быть рассмотрена как коммуникативное средство, обеспечивающее стабильность взаимодействия, взаимопонимание и социальное согласие, а также координацию коммуникативных позиций в неизбежных интерпретативных коллизиях. «Грубые факты» обеспечивают не только устойчивость, но и ситуационную преемственность дискуссии в случае темпоральных и тематических разрывов.

Поскольку нас интересуют условия, в которых возможна радикальная трансформация коммуникативных отношений, постольку принципиальное значение приобретает обнаружение «скрепов» взаимодействия, а также факторов, способных обеспечить ситуационную либерализацию и сдвиг. В этом контексте распространенные в современных гуманитарных практиках коктейлирование и рокировка коммуникативных позиций (Купер, 1993, 75) не могут быть признаны перспективными по нескольким обстоятельствам. Во-первых, по причине их близости к психотерапии, с ее нацеленностью на «сшивание» социальной реальности и идентичности, а во-вторых, в связи с характером реализуемого в них взаимодействия, осуществляемого на единой подразумеваемой основе, которое не ведет к возникновению новых пространственных отношений и дифференциации коммуникативных стратегий.

С точки зрения управления коммуникацией здесь возникает определенный выбор, состоящий в поддержании наметившегося согласия, а значит, использования каждого суждения как расширяющего и обогащающего общее смысловое поле, либо в педалировании различий, диверсификации метафизического пространства, ведущего к разрыву общепринятого порядка. Во втором отношении динамизация коммуникативной ситуации оказывается связанной с теми высказываниями, которые ориентируют свои акции на ревизию «грубой фактичности», а следовательно, на разрыв социального согласия и реструктуризацию коммуникативного пространства. Рассмотрим данное обстоятельство на конкретном примере, для чего обратимся к следующему фрагменту протокола:

Вед.: Она говорит о мобилизации, указывает на способность к мобилизации всех...

З уч.: Раньше вели дневники, теперь выкладывают ролики в Интернет. В ее речи очень много всяких модных элементов.

4 уч.: Что она имеет в виду, когда говорит «выйти из своих домиков».

2 уч.: Это, несомненно, актриса, чувствуется легкая пародия, впрочем, и некоторая дезадаптация.

Вед.: В чем это проявляется?

2 уч.: В манере говорить.

3 уч.: Заметьте, что только часть из нас воспринимает это, как ненормальное... В высказывании нет логики, последовательности высказываний...

4 уч.: Незавершенность мысли, интимные содержания публичны...

3 уч.: Можно сказать, что наш пользователь наивен, доверчив к картинке. Отсутствует опыт недоверия...

5 уч.: Эти рубрики – способы построения идентичности...

4 уч.: Так воспринимается экранный материал... Это как телефонный разговор, который мы слышим со стороны. Партнера по диалогу мы не слышим и тогда речь кажется ущербной...

3 уч.: Она находится в зоне веб-камеры и вполне контролирует процесс. На что мы сами ориентируемся? (Протокол №1, 14.04.2011).

Как можно заметить, значительная часть представленных в протоколе высказываний воспроизводит наметившиеся в первой части разговора позиции, уточняя и дополняя их новыми характеристиками. На это отчасти работает как тематическая инерция (первые по очередности суждения имеют больше шансов направить дискуссию по определенному руслу), так и коммуникативное поведение ведущего, поддерживающего план обоснования: «2 уч.: Это, несомненно, актриса, чувствуется легкая пародия, впрочем, и некоторая дезадаптация. Вед.: В чем это проявляется?».

Переломный момент намечается высказыванием участника 3, начавшего атаку на сложившийся тип интерпретации обстоятельств восприятия: «Можно сказать, что наш пользователь наивен, доверчив к картинке. Отсутствует опыт недоверия...». Данным суждением создается возможность замещения объекта восприятия: нарратива героя ролика – «картинкой», натурализованного объ-

екта – аудиовизуальной конструкцией, создаваемым техническим средством образом. При соответствующей коммуникативной амплификации это высказывание способно выполнить функцию коммуникативного поворота, произведя рокировку его «грубой фактичности». Это действие мы склонны трактовать как стратегическое, противодействующее тенденции к согласию и предлагающее новый принцип упорядочения материала восприятия, вводящий в анализ коммуникации технический контекст. Эффективность действия новой «грубой фактичности» в данном случае связана с тем, что коммуникативный объект, представленный в виде аудиовизуальной конструкции, теперь сложно расположить в едином символическом пространстве, создаваемом другими, ранее произведенными версиями. Так возникает коммуникативная «аномалия» – условие для дифференциации и дестабилизации когнитивного пространства, порождая всплеск интерактивной активности.

Однако эта возможность не была реализована. Дальнейший ход событий показал, что вклад участника 3 в развитие коммуникативного процесса на этом этапе развития семинара был вытеснен на периферию дискуссии, а в обсуждении получили поддержку заявившие о себе ранее тематизации. Приведем в этой связи характерные высказывания участников:

Вед.: Принято считать, что речь есть функция ума. Ум способен контролировать речь. В семинаре обнаружилось несколько позиций – интерпретационных перспектив. Во-первых, квалификация высказывания как иронической речи, когда героиня ролика нас разыгрывает. Оказалось, что это не пародия и не безумие. Это речь, которая нас окружает, мы ее везде слышим. Во-вторых, это понимание ситуации высказывания как взаимодействия с сетью, а не только с Интернетом. Это невозможность встречи с другим и удержания его в поле своего желания. Это битва проекций, населяющих сети. В-третьих, это квалификация речи как фрагментарной. Что может быть понято как бомбардировка речи. Как только говорящая приближает лицо к монитору, речь останавливается, удаляет, – возрождается.

8 уч.: Она концентрируется на «никах», фотографиях. Если принимает, то двигается дальше. Структура сайта не дает ей возможности отклониться. Сеть создает патологию. Она стандартизирует. Сеть навязывает примитивные схемы. < >

8 уч.: Я против того, чтобы такое высказывание становилось основой человеческого контакта.

9 уч.: Сеть такова, какой мы ее выстраиваем.

8 уч.: Нет, наша свобода существенно ограничена структурой действующих правил.

Вед.: А что обрывает эту речь?

8 уч.: Банальность. Она устает от повторяемости.

4 уч.: Хочу заметить, что ее высказывание инструктивно.

8 уч.: У этого высказывания несколько функций. Во-первых, функция прорицания. Этакая юная Ванга. Тема Апокалипсиса. Во-вторых, это функция самопрезентации (как может, так и делает). Что-то о себе она говорит. В-третьих, инструкция по пользованию сетью. Она не вклеена в эту сеть. Она реально хотела бы познакомиться и разочарована: чулочки, белье... Но сеть несет в себе угрозу зацикливания (Протокол №2, 22.04.2011).

Как можно заметить по представленному здесь фрагменту протокола, экспозиция материала сообщения не была акцентирована на данном этапе развития обсуждения его участниками как событие экранной культуры. Последнему немало способствовала и тематическая преемственность, заданная стартовыми высказываниями. Они, как отметил один из создателей русскоязычной версии дискурс-анализа М. Л. Макаров, имеют статус «инициативного предписывающего хода», открывающего собой обменные структуры (Макаров, 2003, 218–219). Это значит, что у стартовых высказываний всегда есть преимущество захвата смыслового пространства коммуникации, определения реперных точек коммуникативного процесса, которые, будучи произведенными, могут достаточно долго обеспечивать инерцию переговоров вне дополнительных усилий их инициатора. Отчасти этим, с нашей точки зрения, можно объяснить невнимание участников дискуссии и самого участника

З к материалу презентации как феномену электронной эпохи. В то же время можно заметить, что значительная часть из представленных выше высказываний вводит в обсуждение контекст Internet (технического устройства), что существенным образом усложняет коммуникативную ситуацию, обесценивая интенциональную и экспрессивную аспектацию объекта. В этом обнаруживает себя дискурсивный дрейф в область обнаружения технических средств, опосредующих конструкцию высказывания.

Отмеченное коммуникативное смещение, равно как и интерпретация материала демонстрации как события экранной культуры, позволяет обсуждать впечатление в терминах внеиндивидуальных характеристик (языка образов, социотехнических устройств, виртуальных объектов), образующих соответствующую языковую игру, отличную от той игры, которая укоренена в субъекте и выводит порядок коммуникации из его (субъекта) внутренних обстоятельств. В некотором смысле речь идет о преодолении гравитации антропоцентристской ориентации, особенно усилившейся в последние десятилетия в связи с быстрым развитием различных версий гуманистической психологии и педагогики. Переход дискуссии на новый уровень «грубой фактичности» создает предпосылку для неантропоцентристской коммуникативной практики¹⁴. Последняя предполагает опыт дискурсивной децентрации субъекта речи, для реализации которой, в свою очередь, необходимы символические опоры. К этой теме мы еще вернемся в последующем.

14. Речь идет о программе неантропоцентристского гуманизма, ограничивающей тотальную распространенность в гуманитарном мышлении метафоры «человек есть мера всех вещей», ведущей к присвоению или исключению индивидом всех культурных реалий. То, что не удастся уподобить себе, исключается из круга легитимных явлений и репрессировано. Неантропоцентристский гуманизм включает в легитимное пространство Иного, который не столько отличен от нас с точки зрения на пол, расу, класс или религиозную или сексуальную ориентацию, сколько обладает видовым несовпадением, например, формой неорганической жизни. К Иным в этой программе причислены также такие фигуры как «киборг, клон, мутант, террорист, бродяга, транссексуал, несовершеннолетний и пр.» (Domańska, 2008, 12).

Заключение

Как мы уже отмечали в начале изложения, основной задачей нашего исследования является проблемный поиск, связанный с изменением обстоятельств культурного посредничества в образовании. Появление в нем электронных учебных средств не только потребовало переопределения места традиционно господствовавших в нем медиаторов: устного дискурса и письменного текста, но и реорганизации самого образовательного пространства. Возникла необходимость в предоставлении законного места всем трем типам дискурсивной организованности: оральной, текстуальной и аудиовизуальной, обеспечении их взаимонеразрушительного функционирования и связи. На уровне организации образовательного процесса его новый порядок поддается описанию в терминах перехода или переключения с одной формы дискурса на другой, а результативность учебного процесса соотнобразуется с передачей места в дискурсе (Университет, 2004, 86).

В отношении последнего наше исследование зафиксировало ряд проблем:

- преимущественную ориентацию потребителей сообщения на его упорядочивание в логике устного дискурса. Коммуникация *face of face* занимает привилегированное место в академической дискуссии, подчиняет своему порядку другие формы речевого функционирования;
- сильную тенденцию речевых практик к установлению единого символического пространства, структурному упрощению и исключению паралогии;
- значительное давление модели научной дискуссии, нацеленной на установление истины и осуществление взаимного контроля и самоконтроля при организации коммуникативных процедур;
- доминирование ценности валидного и ответственного высказывания, ограничивающее возможности направленного индивидуального и коллективного фантазирования;
- стремление к авторизации речи, связывание ее генеалогии с индивидуальным мышлением и действием;
- относительную нечувствительность участников дис-

куссии к металингвистическим и метакоммуникативным контекстам семинара.

Отмеченные нами особенности экспериментальной коммуникации, представленной в описании, не являются реализацией ее принципов, действующих автономно от пользователей наподобие естественнонаучных законов. Наш анализ обнаружил семиотическую технику их совместной «делаемости» и «длинности», а значит, и принципиальную возможность их изменения в актах речи и модификациях интеракций. Задача же изменения форм коммуникации в образовании была горизонтной для наших изысканий и чаяний.

Литература

Бек, У. От индустриального общества к обществу риска / У. Бек; пер. с нем. В. Седельника, Я. Федоровой // THESIS. 1994. Вып. 5. С. 161–168.

Вертгеймер, М. Продуктивное мышление / М. Вертгеймер; пер. с англ. С. Д. Латушкина. М., 1987.

Верч, Дж. Голоса разума. Социокультурный подход к опосредованному действию / Дж. Верч; пер. с англ. С. Ю. Спониора. М., 1996.

Гусаковский, М. А. Концепция национальной школы Беларуси / М. А. Гусаковский, Ю. Э. Краснов, А. А. Полонников // Фактары станаўлення і развіцця нацыянальнай школы Беларусі: матэрыялы навук.-практ. канф. Мінск, 11–13 мая 1994 г. Мінск, 1994. С. 104–155.

Гуссерль, Э. Избранные работы / Э. Гуссерль. М., 2005.

Дацюк, С. Коммуникативные стратегии модулируемых коммуникаций / С. Дацюк. 2011. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.uis.kiev.ua/~_xuz/moderation.html. Дата доступа: 20.09.11.

Дейк Ван, Т. А. Язык. Познание. Коммуникация / Т. А. Ван Дейк; пер. с англ. М., 1989.

Джерджен, К. Социальный конструкционизм: знание и практика / К. Джерджен; пер. с англ. А. М. Корбута. Минск, 2003.

Квале, С. Исследовательское интервью / С. Квале; пер. с англ. М. Р. Мироновой. М., 2003.

- Киппер, Д. Клинические ролевые игры и психодрама / Д. Киппер; пер. М. Ю. Никуличева, Ю. Г. Григорьевой. М., 1993.
- Левин, К. Динамическая психология / К. Левин; пер. с нем и англ. М., 2001.
- Лурия, А. Р. Этапы пройденного пути: научная автобиография / А. Р. Лурия. М., 1982.
- Макаров, М. Л. Основы теории дискурса / М. Л. Макаров. М., 2003.
- Маклюэн, Г. М. Понимание Медиа: внешние расширения человека / Г. М. Маклюэн; пер. англ. В. Н. Николаева. М., 2003.
- Мамардашвили, М. К. Психологическая топология пути / М. К. Мамардашвили. 2011. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://yanko.lib.ru/books/philosoph/mamardashvili-topology.htm>. Дата доступа: 10.06.11.
- Ортега-и-Гассет, Х. Немного феноменологии / Х. Ортега-и-Гассет // Самосознание европейской культуры XX века: мыслители и писатели Запада о месте культуры в современном обществе. М., 1991. С. 237–240.
- Полонников, А. А. Ситуация разговора: опыт коммуникативной реконструкции / А. А. Полонников // Коммуникативный ландшафт образования / В.А. Герасимова [и др.]; под ред. А. А. Полонникова. Минск, 2007. С. 303–349.
- Полонников, А. А. Формирование готовности будущих психологов к профессиональному анализу педагогических ситуаций / А. А. Полонников: дисс. ... канд. психол. наук: 19.00.07 – педагогическая и возрастная психология. Минск, 1994.
- Программа перспективного развития Белорусского государственного университета на 2011–2015 годы. Минск, 2011.
- Роджерс, К. К науке о личности / К. Роджерс // История зарубежной психологии (30–60-е гг. XX в.). Тексты. М., 1986. С. 200–230.
- Розов, А. И. Проблемы категоризации: теория и практика / А. И. Розов // Вопросы психологии. 1986. № 3. С. 90–96.
- Серл, Д. Р. Конструирование социальной реальности / Д. Р. Серл; пер. с англ. А. Романовой. 2011. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://psyberlink.flogiston.ru/internet/bits/searle.htm>. Дата доступа: 12.10.11.

Тернер, Дж. Социальное влияние / Дж. Тернер; пер. с англ. З. Замчук. СПб., 2003.

Турен, А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии / А. Турен; пер. в франц. Е. А. Самарской. М., 1998.

Университет как центр культуропорождающего образования. Изменение форм коммуникации в учебном процессе / М. А. Гусаковский [и др.]. Минск, 2004.

Domańska, E. Humanistyka nie-antropocentryczna a studia nad rzeczami / E. Domańska // *Kultura Współczesna*. Warszawa. 2008. № 3. S. 9–21.

Kasperczyk, A. Badacz i jego poszukiwania w świetle «Analizy Sytuacyjnej» Adele E. Clarke / A. Kasperczyk // *Przegląd Socjologii Jakościowej*. Tom III. 2007. № 2. S. 5–32.

Klus-Stańska, D. Dydaktyka wobec chaosu pojęć i zdarzeń / D. Klus-Stańska. Warszawa, 2010.

Mead, G. H. *The Philosophy of the Act* / G. H. Mead. Chicago, 1945. P. 140–153.

Morbiter, J. Postmodernistyczne konteksty Internetu / J. Morbiter. 2010. [Electronic resource]. Mode of access: <http://www.up.krakow.pl/ktime/ref2005>. Date of access: 12.12.10.

Pryszmont-Ciesielska, M. Ukryty program fizycznej pozadydaktycznej przestrzeni uniwersytetu / M. Pryszmont-Ciesielska // *Przegląd Socjologii Jakościowej*. Tom V. 2009. № 2. S. 41–61.

Szkudlarek, T. *Media. Szkic z filozofii i pedagogiki dystansu* / T. Szkudlarek. Kraków, 2009.

Szkudlarek, T. *Wiedza i wolność w pedagogice amerykańskiego postmodernizmu* / T. Szkudlarek. Krakow, 2009.

Szpernalowski, T. Problemy współczesnej kultury audiowizualnej. Media w kontekście edukacji / T. Szpernalowski. [Electronic resource]. Mode of access: <http://www.zsz7.pl/pdf/media.pdf/>. Date of access: 08.03.11.

Trzebiński, J. Narracyjnie konstruowanie rzeczywistości / J. Trzebiński // *Narracja jako sposób rozumienia świata*. Gdańsk, 2002. S. 17–42.